

Театр и искусство.

Выставки картин, организованная Красным Крестом.

Тод тому казад на столбах «Известий» и отисли моп вычитатели о выставке, де осласати повие тенденция работников были. «Бубнового валега». За этот год Копчаловский, Машков, Лентулов и другие работами достаточно усиленно, их поворот к советской действительности — живописному реализму — обрел и выяснил яснее.

Мастерство, приобретенное ими во время их чистого отщепенского блуждания, оказалось для них в высшей степени положительным началом. Их реализм бесспорен, многозначителен, в нем являет собой сложность, ее музыка, которую часто невозможно перевести на слова, но которая делает несравнимыми пейзажи упомянутых мастеров, скажем, с пейзажами импрессионистов и передвижников.

Вместе с тем переход к углубленному реализму, усиление веры в природу, улавливание работы из себя работой, предлагающей внешнее, в свою очередь благотворно сказалось на их мастерстве. У Машкова все более и более теряется разобщенность элементов его прежних работ, их некоторая сухость и искусственность их освещения, не говоря уже о присутствии его ранних работ подкубизме. У Копчаловского совсем отпадает та серая муть, выходящая, ключеватая, порой прямо-таки как будто нерыночная вата, которая прежде отталкивала меня от этого замечательного художника. У Лентулова выпрямилась линия его рисунка, и дефициты, бывшие данью этого большого таланта прихотливому буржуазному упадку, им теперь совершенно отброшены.

Брайные левые товарищи художники Арсенин, Удальцова, Королев идут в эволюцию, правильно понятому реализму. Ученики, которых художники показали на этой выставке, дали обещающие ученические работы. На первом месте по количеству, да по качеству работ стоит Копчаловский. На этот раз он дал множество пейзажей исключительной значительности. Радостную, бодрую красочность, глубину, не уязвимо-преклоненную, а какою-то товарищескую любовь к природе. Насыщены его пейзажи эмоциональной силой уверенности. Пейзажи его пологие, но вместе с тем стихийны. Равнине, даже являет грусти, не заслоняют у него крепости и силы мира, в котором мы живем. В его радостности отсутствуют всякая нарочитость и сладость. Все это крепко, все это по-мужски. Из пейзажей особенно великолепен «Ветры перед прудом», представляющий, несомненно, в своем роде шедевр. Прекрасны также облаженные пейзажи Копчаловского. «Вспышка перед зареком» — вся полна здоровьем. Это действительно прекрасный человек. Сильно одаренная с любовью и мастерством, купается в воздухе, играет светом и тенью и почти классична по опреде-

ленности и гармоничности своих форм. К сожалению, и должен сказать, что мне показалась не убедительной правдивость рук. Руки даны в смелом ракурсе, но перспектива их как-будто не выдержана. Копчаловский почти равняется со старыми мастерами общепонятого человеческого тела, ему нужно обратить внимание на то, чтобы быть убедительным во всех деталях. Его большой «Даная» — превосходная вещь, с чистотой могущая занять место на выставке любых мастеров, но опыт-таки и не уверен, что придирчивый критик не отметил бы некоторой анатомической слабости ног по сравнению с остальной фигурой.

В общем никогда еще Копчаловский не казался мне таким простым, таким искренним, таким сильным, таким радостным и умелым мастером. Даже превосходная обложка выставки его произведений, показанная недавно Третьяковской галлереей, менее удовлетворительна в этом отношении, чем ныне выставленные им 29 полотен.

Сейчас же вперед за них идет И. И. Машков. Выставил он меньше — всего 25 вещей, но вещи эти прекрасны. В его пейзажах, может быть, есть немножко декоративности, есть еще что-то, напоминающее пейзажи Беклина, какал-то словно фототипичность, некоторая искусственность освещения, но даже эти пейзажи, на которых эти недостатки наиболее заметны, превосходны владовой вышешностью, пленяют тем, что перед нами портрет красавицы природы, сделанный вышешным в нем мужественным человеком. Лучшее же из этих пейзажей очаровательны, и давно уже столь убедительных, столь ражующих зрителя варьяж, пьянящих такой музыкальной силой. могучей, стихийной жизнью, не приходясь мне видеть. В «Ататор морт» Машков поставил себе как бы совсем своеобразную цель. Он совсем не заботится о том, чтобы сделать их внутреннюю содержательными, т.-е. вскрыть какою-то таинственную, почти пугающую жизнь не живых вещей. Его просто интересуют чисто-колеристические задачи; чисто «валерийские» отношения при этом. Он не привнес действительности в жертву ни красочным гаммам, ни об'емам. Он просто бросает перед собой жизнь виноград и другие фрукты, собирает букеты цветов, ставит между ними фарфор, любуется возникающей отсюда феерической широй красотой и потом старается передать их на полотне иллюзионистски, как делали это великие патерностисты фламанской школы. Для этого нужно огромное техническое мастерство, и им Машков обладает вполне. Но даже не хочется говорить об этом мастерстве, до такой степени эти натюрморты прекрасны сами по себе.

Я знаю, что в последнее время началось гонение на красоту. Красота и тем

более «справность» об'явлены делом буржуазным. Ну, извините пожалуйста, это вы без хозяина судите, и я вас уверяю, что пролетарий тоже предпочитает красивые женщины, красивые пейзажи, красивую алман, как и другие. Это не кто иной, как мощавший философ Фрунзе, старался назвать пролетариату совершенно ему испужный аскетизм, и мне кажется, что наименее пошлун неэстетического эстетизма есть не что иное, как стремление мешавина-художника походить как-нибудь образом в тон новому казавну, который поля еще молчит. И кажется этому угадывающему повелитору, что легче всего приблизиться ему в пролетариату, если он будет работать по контрасту со старым искусством. Если там парала красота, то, стало-быть, чем же можно более показать свою революционность, как не изланился ее из ее исключительности? Конечно, рядом с этим большое значение имеет зашле симметрии. Но симметрия сама идет красоте, при том в той же самой, по своей сущности, хотя и обновленной.

Но всех этих новаторов не следует опасаться. Одно время я полемизировал со всеми этими одоженками, но за последние семь лет и имел достаточно примеров тому, как ошриные крикуны унимаются и повсемольбу, не без оглядки, вступают на тот путь, который предопределен самой жизнью. А этот путь не может быть иным, как монументальным, насыщенным идеей и эмоцией реализмом, а тут о «красоте» и заботиться не придется, реальность монументализированная, освещенная идеей и согрета чувством — прекрасна. Многомысленны и интересны работы Рождественского. Диричнее и содержательнее — Куригина. К сожалению, мало выставил Лентулов. Но его портреты и его пейзажи тем не менее занимают на выставке почетное место.

Надо только, чтобы художники этой группы пережили еще что-то. Вот они боялись теперь, каким огромным источником вдохновения является действительность. Но этого мало. Если художник должен сохранять свою самостоятельность в трактовке ипешего материала: пейзаж, портрет, натюр морт, аят, то еще важнее, конечно (тут он выступает, как подлинный художник), сохранить за собою право комбинации, композиции — право творца картины.

Картина нет как нет. Вот АХРР, который предшествовал в том же помещении выставке Красного Креста, есть картина, но, к сожалению, не убедительные. Там картины то сдаются на оперную постановку, то просто серы по замыслу, хотя и очень революционно-благонамеренны. Лучшее, что АХРР дал, это — несколько удачных этюдов с вокзалов, заводов и т. д. Но АХРР по крайней мере опреде-

ленно осознал, что надо вложить в живопись социальное идейно-эстетическое содержание.

Конечно, и в простонародных этюдах, более, чем в картинах, которые представляли упомянутыми много выдающимися русскими художниками кисти, есть и идея, и эмоция, но все это в состоянии элементарном, и я очень боюсь, что Копчаловский, Машков и Лентулов еще связаны теориями, среди которых они росли и которые требовали такого легкого самоотчуждения живописи от «литературы». Трудно представить себе большого вздор с точки зрения пролетарского мироощущения, с точки зрения нового времени. Мы, стремившиеся в синтетическому искусству, мы, для которых синтетическое искусство — хлеб, как можно мы иначе принять эти разноразличные друг от друга искусства, чем в качестве чего-то подсобного, подготовительного, а иногда просто бурьевого. Нет настоящих художественных произведений, которые держались бы в каких-то замкнутых рамках. Хотя известь есть произведение слова, но она есть и произведение живописное, скульптурное и музыкальное, и только постольку имеет литературно-художественное содержание. То же относится и к картине. А вместе с тем от кого же ждать картин, как не от художников, которых я сейчас назвал? Конечно, последние коммюне передвижников могут подарить нас еще небольшими прекрасными произведениями. Конечно, за молодью остается огромное будущее, конечно, у нас есть ряд очень интересных художников и помимо трех вояжеев «Бубнового валега». Все-таки в конце-концов настоящих новых шедевров невольно ждешь именно с этой стороны.

Копчаловский, Машков, Лентулов — это переводы имени русской живописи. Надо им сделать какою-то уклон над собой, чтобы картина была создана. Я не верю в то, что у них нет соответственных сторон таланта.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ В АМЕРИКЕ.

Выставка произведений современных русских художников, отправленная в Америку в конце пр. г., открылась в Нью-Йорке 8 марта. Выставка привлекает большое внимание со стороны американцев. Вернисаж выставки посетили 7 тыс. чел. В первые же дни все полотна крупнейших художников, как Нестерова, Сомов и др. были уже раскуплены. Выставка продлится в Нью-Йорке до 15-го апреля, а затем будет перевезена в др. города Америки.

Хроника.

— Сандро Монси кончат свои гастроли в Москве в пятницу 28 марта бедерными спектаклем, для которого идет пьеса Льва Толстого, «От нее все качества» и комедия Шнидера «Зеленый поштау».

— Первое представление новой пьесы А. В. Луначарского «Освобожденный Дон-Кихот» в театре «Комедия» состоится в пятницу 4 апреля.